



Трансцендентальный журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 3 Том 2. 2021

Этико-правовые учения в русском неокантианстве (П.И. Новгородцев и Б.А. Кистяковский)

Кушнер Станислав Николаевич

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Статья посвящена анализу правовых теорий П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского, основанных на моральной философии И. Канта в сопоставлении с психологической теорией права Л.И. Петражицкого. Выявляется единство позиций Новгородцева и Кистяковского в ориентированности на этические аспекты права, а также выделения нравственности в качестве высшего принципа. Внимание уделяется раскрытию неокантианских мотивов в философии права и в контексте развития теории естественного права в России. В основном содержании статьи проводится последовательный анализ идей Новгородцева в их динамике, сопоставленный с неокантианской философией права Кистяковского. Подчеркивается, что психологическая теория источника правоотношений Петражицкого находится в единой интенции мысли с мотивами русских неокантианцев, что позволяет их сопоставить в истории развития российской теории права.

Анализируется современная научная литература с целью выявления проблемы сопоставления различных подходов в истории российской философии права, в которой немецкая трансцендентальная философия является одним из ключевых оснований. Актуализируется вопрос о самостоятельности российских ученых в построении этико-правовых учений, но в то же время подчеркивается единый мотив с кантовским положением о необходимости установления всеобщего гражданского общества на принципах развитой системы правил и норм.

Ключевые слова: неокантианство, философия права, нравственный долг, мораль, Новгородцев, Кистяковский

Дата публикации: 20.12.2021

Ссылка для цитирования:

Кушнер С. Н. Этико-правовые учения в русском неокантианстве (П.И. Новгородцев и Б.А. Кистяковский) // Трансцендентальный журнал – 2021. – Том 2. – Выпуск 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://transcendental.su/S271326680018217-8-1> (дата обращения: 06.07.2024). DOI: 10.18254/S271326680018217-8

¹ Философия И. Канта и его этика получили новое развитие в трудах отечественных философов, правоведов, социологов и историков. В особенности положение о праве на достойное человеческое существование приобрело популярность в России в конце XIX века. Изменение социально-политических условий, а также критическое переосмысление принципов права и социальной динамики объясняют повышение интереса к идеям Канта, где права и свободы человека определялись безусловными доминантами прогрессивного развития общества. В стремлении к обоснованию прогрессивных идей в области права и для аргументации социальных программ по преобразованию общественных отношений, авторитетные юристы и правоведы России обращаются к положениям кантовской философии. Среди известных правоведов и социологов России, аргументирующих свои теории посредством обращения к философии Канта, стоит выделить такие имена как Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) и Богдан Александрович Кистяковский (1868–1920). Выделим также деятельность Льва Иосифовича Петражицкого (1867–1931), придерживающегося позиции позитивной социологии и оригинальной трактовки психологизма в процессе восприятия мира, но в то же время он находился в контексте обсуждения кантовской философии права, проблемы нравственности и свободы в теории права. Сопоставление исследований Новгородцева, Кистяковского и Петражицкого объясняется их мотивом показать «ложность позитивистского отождествления права с нормами действующего законодательства» [15, с. 7].

² Исследования, посвященные Новгородцеву, широко представлены в научной литературе. Системный и последовательный анализ воззрений русского ученого в динамике их развития и во взаимосвязях с русским неокантианством представлен в научных работах Е.А. Фроловой [16; 17], а также в статьях В.Н. Белова [1; 2]. Одновременное рассмотрение всех аспектов творческой и научной деятельности философа, социолога и правоведа требует учитывать различные исходные основания теории Новгородцева: философию Канта, методологию Гегеля, исследования в области теории естественного права и учения родоначальников социального знания в России.

³ Новгородцев создает первую наиболее последовательную теорию естественного права на положении о безусловности права человека на достойное существование, и в то же время его теория призвана решать реальные социально-политические задачи. В дальнейшем в истории философии и философии права его

теорию называют «идеализированной теорией права», что подчеркивает ориентированность на трансцендентальный идеализм. Постулаты практического разума и этическое учение Канта представлялись более эффективными для разрешения главных проблем реализации норм права. Критикуя позитивизм и теории дифференцированного понимания идеалов и практики правоприменения, Новгородцев выделяет неразделимость идеального и реального. Фактическая сторона сложности реализации права заключается в ошибках дифференцированного отношения к социальным группам. В то время как все люди должны представляться равноправными, что, однако, не подразумевает единства правоприменности. Одновременное признание единства всех субъектов права перед системой правоприменения и различие в реализации правоприменности всегда вызывало споры и дискуссии в среде историков развития теории права в России. Сложность однозначного и краткого выражения позиции Новгородцева объясняется постоянной динамикой его идей. Наиболее значимым здесь является синтезирование постулатов практического разума Канта с диалектическим методом и философией истории Гегеля. В докторской диссертации «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типических построения в области философии права», впоследствии опубликованной в 1901 году, Новгородцев попытался раскрыть особенность своего авторского замысла разграничения социального и формального понимания права [10]. Формальное понимание означает не теоретические идеалы, а формообразующие нормы и предписания, реализуемые непосредственно с практикой и зависящие от непосредственных социальных условий.

⁴ Теория «идеализированного права» обладала существенным отличием от имеющихся представлений о природе права и его источнике. Новгородцев признавал источником права буквально естественное начало человека – его разум. Поскольку все люди – разумные существа, то и различий между ними быть не может в обществе, которое есть искусственное образование по естественному развитию истории. Если человек жил бы в природе, а не в обществе, то и там сохранил бы свою уникальность: обладание разумом. А так как наличие разума постоянно требует развития, то естественным началом, объединяющим каждого индивида, является долг перед собой и другими, выражающийся в сохранении своей уникальности, а именно, разумности. Отсюда выводится нравственность как источник естественного права, поскольку нравственный долг означает достойное отношение к себе и к другим, что способствует достижению главной задачи (но не цели) – сохранению своей жизни. В итоге Новгородцев синтезировал идеализированное представление о праве с естественной задачей человека – достойным существованием, то есть обладанием всего необходимого для собственной жизни и самореализации в обществе. Примечательно, что аналогии можно найти с позицией академика В.С. Нерсисянца [9], самостоятельно создавшего известную либертарно-юридическую теорию права и государства, получившую мировое признание. Подобные аналогии подтверждают проницательность Новгородцева как юриста и правоведа.

⁵ Новгородцев высоко оценивает значение философии Канта для теории права. Русский философ в своей речи «Кант, как моралист», произнесенной на заседании Московского психологического общества 28 декабря 1904 года, отметил

следующее: «Значение Канта в том, что, сохраняя и утверждая самостоятельное и независимое положение науки, он вместе с тем дает твердую опору и для самобытного значения религиозных, нравственных, эстетических переживаний» [12, с. 319]. В своих воззрениях русский философ во многом основывался на постулатах практического разума. Однако называть его кантианцем в полной мере нельзя, так как одно из центральных мест кантовской философии – категорический императив, – Новгородцев определяет самостоятельно в социально-этическом ракурсе. Категорический императив есть совокупность целей и задач развития общества, объединяющего интересы государства как совместного общежития и каждую отдельно взятую личность, то есть индивида со своими мотивами и стремлениями. Этические категории составляют теоретический аспект императива, а социально-политические реалии – практический. Нравственный закон есть условие существования категорического императива и его связи с практикой повседневной жизни. Сущность нравственного закона по отношению к условиям существования категорического императива независима, так как первый превосходит любые конкретные исторические и социальные условия. Позиция Новгородцева близка идеям Канта, но не идентична им. Моральную философию кенигсбергского мыслителя следует дополнить и расширить, так как она ограничена задачей критического рассмотрения способности познавать и воспринимать. В статье «Нравственная проблема в философии Канта» Новгородцев пишет: «... этика Канта сбивалась на индивидуалистическое созерцание прежнего времени, и в этом был ее недостаток», в то время как «нравственное значение общения остается невыясненным» [11, с. 314]. Нравственность с позиции философии права и социальных исследований должна быть определена в категориях общественных отношений. Новгородцев в «Лекциях по истории философии права» определяет нравственный закон как основу «для общей нравственной жизни», где «автономный закон личной воли» переходит в «нравственную норму общения» [12, с. 180]. Ориентированность на общественные отношения и проблемы социального развития превалируют над вопросами критической гносеологии.

⁶ Для Новгородцева в моральной философии Канта не ставилась задача обосновать нравственный закон как цель социального проживания людей. В этом виделось ограничение, которое следует преодолеть. Новгородцев, используя положения философии истории Гегеля, дополняет кантовскую этику процессом общественного развития. В получившейся модели, нравственный закон «становится фундаментальным основанием развития общества, что предполагает и индивидуальное следование нравственным нормам в процессе социальных взаимоотношений», а «нравственные идеалы становятся необходимым условием для общественных норм поведения, приводящие в своем завершенном виде к установлению абсолютного идеала» [3, с. 70]. Абсолютный идеал есть установление безусловности нравственного долга в теории и практике совместного общежития, то есть в социальных отношениях, взятых в своем многообразии.

⁷ В философии права Новгородцев исходит из принципа самозаконности свободы и определения человека как цели самой по себе. Все социально-правовые объяснения основываются на этих принципах. Самозаконность свободы обязывает

безусловность нравственного долга и его независимость от конкретных социально-политических решений, в том числе и законов. Область морали вмещает безусловность нравственного долга и понятие законности, характеризующее в своем объединении систему права. Следствием становится нравственная обусловленность любой идеализированной системы права. Хотя Новгородцев различает правоприменимость, обусловленную конкретными общественными потребностями, и систему правоотношений как их внеэмпирическую форму, нравственность остается коррелятом единства целеполагания теории и практики права. На этом основании можно говорить о создании оригинального этико-правового концепта в теории права Новгородцева. В то же время взгляды русского философа выстраиваются на объединении этической проблематики и теории права с постулатами практической философии Канта. Признание приоритета естественного права над изменяющимися условиями реализации законов и нормативности выражают специфику философа по отношению к иным интерпретациям источника права. Нравственность же понималась мыслителем как исходное и надындивидуальное начало правовых норм. В итоге формируется своеобразная этико-правовая концепция, которая имеет различные формы преломления в областях права, социологии и философии.

⁸ В отличие от Новгородцева, Кистяковский сосредоточил внимание на значении права для государства, реализовывающего социально-экономическое регулирование общественных отношений. Ставя перед собой задачу раскрытия практических аспектов применения права, философ и социолог выделил структуру государственно-правовой системы. Сущность права состоит в функциональном регулировании 1) распределения, 2) ограничения и 3) наказания. Все три функции составляют понятие власти, которым обладает только государство. В работе «Сущность государственной власти» Кистяковский пишет: «только государство обладает всей полнотой власти и располагает всеми ее формами» [7, с. 3]. Любые иные общественные объединения подчиняются системе права и ее гаранту в лице государства.

⁹ Кистяковский выделял несколько способов интерпретации форм права: 1) социологическое знание; 2) психологические основания права; 3) нормативно-формальное значение; 4) юридическое понимание права, или практическая реализация правоприменения. Объединяющим основанием для любой интерпретации права является неотделимость права от власти государства, так как без государственной организации социальных отношений право нереализуемо. Но у права есть свой источник, который только формально-юридически находится в существе государственного управления социальной жизнью. Фактический источник права не исходит из государства или от общества, а коренится в потребности общества и в условиях его существования. Мораль как стремление к упорядочиванию всего многообразия явлений выступает надындивидуальным источником потребности в установлении общественных отношений и признания государственной власти. Нравственность является содержанием морали, так как мораль сама по себе есть лишь форма, объединяющая стремления людей в системные и последовательные суждения о должном. Право является отражением подлинных норм морали, которые не могут противоречить установлению равноправия во внешних отношениях между людьми. Стоит согласиться, что

«источником возникновения властных отношений мыслитель определяет нравственные требования, оправдывающие существование феноменов господства и подчинения» [8, с. 20]. Таким образом, нравственность посредством самозаконности определяет нормы морали, которые влияют на установление идеалов правовых отношений, не позволяя утвердиться законам, противоречащим положению о человеке как цели самой по себе.

¹⁰ Для установления гармоничности реализации права в государство включаются общественные и иные частные лица, представляющие интересы отдельных социальных групп. Но они не обладают властью, так как не могут регулировать общественные отношения, а лишь направляют деятельность государства. Как итог, только государство обладает властью, а право равномерно распределяется между непосредственно государственными представителями и общественными представителями в органах государственной власти. В то же время, следуя за кантовским пониманием достоинства человека как цели, а не как средства, Кистяковский строго разграничил формально-юридическое определение права и его объективное значение. Первое включает идеализированные представления о сущности государства, второе с необходимостью следует из источника права – человека.

¹¹ Сущность государства состоит в обладании правом принуждать и повелевать, но границы этих действий устанавливаются повелением человеческой воли. Последняя есть воля нравственная, остальные стремления человека представляют мнимые желания и не могут быть основанием ни для собственной цели, ни для воли общественной. Государство обладает «безличной волей», а личностное начало «воли» находится в сущности человека, как разумного существа [7, с. 41]. Если человек согласует свои стремления с рациональным началом, то он неизбежно вступает в область действия нравственного закона. Долженствование обуславливает восприятие правовых отношений в качестве единственно полезных для индивида и государства, в противоположность их отрицанию.

¹² В сборнике работ «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» Кистяковский указывает на особую бытийственность социальных явлений, которые сопряжены с сознанием и поэтому не могут быть описаны и изучены исключительно позитивными методами. Все социальные процессы «превращаются в особый мир благодаря участию в нем сознательной деятельности человека» [6, с. 684], что отражает наличие в социальных явлениях сознательной цели. Единственной «вневременной» и «внепространственной» целью может служить то, что не зависит от постоянной динамики социальных и природных явлений. Основания права, восходящие к нравственному долгу, представляются тем неизменным целеполаганием, которое должно стать осознанным для каждого человека.

¹³ Эволюционизм и позитивизм не могут охватить всю область теории права, так как источником правовых отношений является уникальность этико-правовых отношений, установленных из-за сознательной целесообразности принятия нравственного закона. Кистяковский делает вывод, что «правовой строй представляет сложный аппарат, в котором часть сил действует механически», но

«для приведения в действие этого аппарата и правильной работы его требуется непрерывная духовная активность всех членов общества» [6, с. 690]. В данном случае «механические силы» – это практика государственной организации своих функций, нацеленных на сохранение общества посредством осуществления своей власти, а «духовная активность» – стремление к поддержанию правовых идеалов и следование нравственному долгу. Как видим, этико-правовой аспект превалирует над психологическими и социальными источниками права.

¹⁴ Первостепенность этико-правового аспекта источника права и обозначение нравственности как высшего принципа и одновременно идеала социальных отношений объединяют воззрения П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского. Различие в приоритетах исследования и методологии выражаются в направленности Новгородцева на определение условий, при которых возможно реализовать право на достойное существование человека, где социальная практика не противоречит духовным ценностям. В свою очередь Кистяковский нацелен на раскрытие права как социального явления в динамике историко-культурного развития общества и теории государства. Однако оба ученых в своих рассуждениях исходят из постулатов моральной философии Канта, основывая свои практические исследования на объективности нравственного долга.

¹⁵ Аналогии с воззрениями Новгородцева и Кистяковского обнаруживаются у Петражицкого, который является одним из главных теоретиков философии права в России. И.А. Иванников отметил, что «учение Л.И. Петражицкого было одно из немногих, под влиянием которого формировалась новая наука – социология права» [4, с. 13]. В реалиях современности теория Петражицкого представляет классическое наследие российского правоведения.

¹⁶ Петражицкий лояльно относился к моральной философии Канта, хотя основывал свои исследования на противоположных идеализму позициях, обращаясь к непосредственным достижениям позитивных наук [13, с. 153–157]. В то же время ученый не придерживался в своих исследованиях исключительно позитивистской трактовки права, рассматривая одним из значимых факторов формирования правосознания этико-нравственные аспекты. Петражицкий известен как создатель психологической теории права, поскольку выявил взаимосвязь между механизмами адаптации, эмоциональными реакциями и аффектами с процессом развития правовых отношений. Чем выше уровень правосознания, тем объективнее и отчетливее в обществе воспринимается значение моральных норм и нравственных ценностей. Обратное отношение тоже верно, но зависит от формирования приоритетов социального развития. Если они установлены правильным образом, то рост правосознания сопровождается ростом нравственности, а система права эффективно адаптируется к потребностям социальной жизни. В противоположном случае, система права малоэффективна, что приводит к ее деградации и последующему разрушению, влекущему появление негативных экономических, социальных и политических факторов. В первую очередь происходит психологическое недоверие к праву, как действенному регулятору социальных отношений, что приводит к обесцениванию категорий, стоящих за правом, – морали и нравственности. Психологический фактор согласно теории Петражицкого играет главную роль, поскольку нравственность и мораль перестают восприниматься в качестве регуляторов социального поведения, то есть

«психика людей влияет на природу права, но и созданное право влияет на психическое состояние общества и отдельных индивидов» [4, с. 13].

¹⁷ Несмотря на то, что Петражицкий критиковал неокантианство («не стоит думать, будто рассуждения и учения неокантианцев отличаются особенной научностью» [13, с. 156]), его положение о нравственности и морали как следствиях рационализации социально-политических отношений согласуется с идеями Кистяковского, раскрывающими психологические обусловленности права как социального явления и находящимися в единой интенции с представлениями о нравственности у Новгородцева. Аналогии не носят историко-ретроспективного характера, а обозначены самими теоретиками права в России. Кистяковский, отстаивая идеалы научного идеализма, пишет «к сожалению, однако, в лагере идеалистов пыл к чисто научному познанию довольно быстро иссяк или, вернее, одновременно с поворотом к идеализму сильно ослабел. Большинство идеалистов поспешило объявить, что постановка этической проблемы непосредственно наталкивается на проблему метафизическую» [5, с. 59]. Для философа и правоведа исключение практической стороны вопроса и безотносительность к нормам науки представлялись неэффективной стратегией изучения социальных явлений, и тем более области «должного». Одной из ключевых ошибок Кистяковский видел в смешении понятий «должного» с «необходимым». В другой своей работе «Социальные науки и право» в разделе «Право», он положительно оценивал вклад Петражицкого в обоснование научной позиции на вопрос о морали и праве, хотя и критиковал за тенденцию к способам аргументации на принципах позитивизма и ярко выраженную симпатию к материализму [13]. Здесь стоит указать на работу Петражицкого «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», где аргументируется наличие «правового переживания», которое «по своему интеллектуальному составу» является нравственностью, объединяющей эмоциональное переживание и нормативность утвердительных суждений [14, с. 64]. То есть понятие «должен» одновременно утверждает необходимость действия рационального и эмоционального, а нравственность объединяет психическое переживание с аргументированным суждением посредством научно-рациональных средств. В свою очередь Петражицкий и Кистяковский признавали заслуги Новгородцева в обосновании теории естественного права, где учитывали материальные (практические) и духовные (идеалы нравственности и морали) аспекты правоприменения в процессе формирования правосознания.

¹⁸ В качестве вывода укажем, что этическая направленность в интерпретации теории государства и права у русских ученых выразилась в акцентировании внимания на этико-правовых аспектах социальных, экономических и политических факторов развития общества. Исходным основанием обозначенной особенности является интеграция моральной философии Канта в условия развития российского общества и в научный дискурс. В итоге этика становилась связующим звеном между вопросами практической реализации права и областью философского осмысления соотношения индивидуального и общественного, личности и государства, субъективностью восприятия социального мира и его объективными факторами.

Библиография:

1. Белов В.Н. Неокантианство П.И. Новгородцева: к полемике Новгородцева и Савальского // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 2 (147). С. 151–163.
2. Владимиров П.А. Развитие практической философии И. Канта в русском неокантианстве // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2016. № S5 (10). С. 68–73.
3. Иванников И.А. Психологическая теория права Л.И. Петражицкого // *Право и государство: теория и практика*. 2011. № 3 (75). С. 6–13.
4. Кистяковский Б.А. В защиту научно-философского идеализма // *Вопросы философии и психологии*. 1907. Кн. 86 (I). С. 57–109.
5. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Тип. И.Н. Кушнеревъ и К°, 1916. 704 с.
6. Кистяковский Б.А. Сущность государственной власти. Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1913. 42 с.
7. Малькова Е.Г. Б.А. Кистяковский о власти // *Юридическая мысль*. 2007. № 1 (39). С. 19–23.
8. Нерсисянц В.С. К праву. О происхождении равенства (из неопубликованного). 2009. № 17. С. 2–8.
9. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типических построения в области философии права. М.: Унив. тип., 1901. 248 с.
10. Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта // *Вопросы философии и психологии*. 1901. Кн. 57 (II). С. 279–314.
11. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. 446 с.
12. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. Изд. 3. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлиха, 1908. 270 с.
13. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 частях. Часть 1. М.: Юрайт, 2021. 237 с.
14. Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистковский. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 511 с.
15. Фролова Е.А. Методологические основы неокантианского учения П.И. Новгородцева // *Государство и право*. 2012. № 5. С. 68–78.
16. Фролова Е.А. Этико-правовые проблемы философии права неокантианства // *Государство и право*. 2013. № 7. С. 93–97.

17. Belov V. H. Cohens Ethik und ihre Rezeption in der russischen Philosophie des Rechts // IDEA – Studia nad strukturą i rozwojem pojęć filozoficznych, XXVII. Białystok, 2015. S. 373–381.

Ethical and legal doctrines in Russian neo-Kantianism (P.I. Novgorodtsev and B.A. Kistyakovsky)

Stanislav Kushner

*Peoples' Friendship University of Russia
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article is devoted to the analysis of the legal theories of P.I. Novgorodtsev and B.A. Kistyakovsky, based on the moral philosophy of I. Kant in comparison with the psychological theory of law of L.I. Petrazhitsky. The unity of the positions of Novgorodtsev and Kistyakovsky in focusing on the ethical aspects of law, as well as highlighting morality as the highest principle, is revealed. Attention is paid to the disclosure of neo-Kantian motives in the philosophy of law and in the context of the development of the theory of natural law in Russia. The main content of the article is a consistent analysis of Novgorodtsev's ideas in their dynamics, compared with the neo-Kantian philosophy of law of Kistyakovsky. It is emphasized that the psychological theory of the source of Petrazhitsky's legal relations is in the same intention of thought with the motives of the Russian neo-Kantians, which allows them to be compared in the history of the development of the Russian theory of law.

The modern scientific literature is analyzed in order to identify the problem of comparing different approaches in the history of Russian philosophy of law, in which German transcendental philosophy is one of the key foundations. The question of the independence of Russian scientists in the construction of ethical and legal doctrines is actualized, but, at the same time, a single motive is emphasized with the Kantian provision on the need to establish a general civil society on the principles of a developed system of rules and norms.

Keywords: neo-Kantianism, philosophy of law, moral duty, morality, Novgorodtsev, Kistyakovsky

Publication date: 20.12.2021

Citation link:

Kushner S. Ethical and legal doctrines in Russian neo-Kantianism (P.I. Novgorodtsev and B.A. Kistyakovsky) // *Studies in Transcendental Philosophy* – 2021. – V. 2. – Issue 3 [Electronic resource]. URL: <https://transcendental.su/S271326680018217-8-1> (circulation date: 06.07.2024). DOI: 10.18254/S271326680018217-8